

Научная статья

Политические науки

УДК 327

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4\(14\)-105-123](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4(14)-105-123)

Многовекторность во внешней политике стран постсоветского пространства: актуальные проблемы и тенденции

Мария Всеволодовна Катагощина^{1a}✉, Валентина Вячеславовна Комлева^{2b}✉, Елена Алексеевна Кузьменко^{3c}✉, Сергей Александрович Шеин^{4d}✉

¹ Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

² Национальный исследовательский институт развития коммуникаций, Москва, Россия

³ Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия

⁴ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

^a marya.katagoshina@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-5531-7739>

^b komleva@nicrus.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984>

^c kuzmenko_elal@pfur.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4144-2414>

^d sshein@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9749-9116>

Аннотация. Многовекторность как принцип формирования внешней политики реализуется странами СНГ с середины 1990-х гг. За 30 лет был накоплен опыт этой реализации, который позволяет судить о многовекторности в двух основных плоскостях: многовекторность как ресурс реальной политики и многовекторность

как дискурс в информационном поле. Интерпретация такого подхода во внешней политике стран постсоветского пространства представлена широким спектром мнений, варьирующихся от сугубо положительной трактовки (преимущественно со стороны страновых экспертов-политологов) до крайнего скептицизма (российская политологическая школа). Данная статья представляет результаты экспертной сессии Центра исследований международных гуманитарных коммуникаций РУДН им. Патриса Лумумбы «Многовекторность во внешней политике: актуальные проблемы», которая состоялась 8 октября 2024 г. и в рамках которой обсуждались проблемы многовекторности по следующим вопросам: каковы пределы многовекторности как средства лавирования постсоветских политических элит в условиях формирующейся многополярной модели международных отношений, возможны ли общие правила игры для стран различного экономического веса, каково значение ситуативных союзов и временных коалиций в условиях многовекторности. По результатам дискуссии исследователи пришли к выводу, что многовекторность является действенным тактическим ресурсом крупных игроков-модераторов, лидеров интеграционных объединений и военных блоков, используемым для достижения стратегических задач в сферах мемориальной политики, макрорегиональной безопасности, гуманитарного и экономического сотрудничества. При таком соотношении сил страны среднего порядка рискуют оказаться ведомыми и управляемыми объектами внешнеполитических амбиций третьих стран.

Ключевые слова: многовекторность, внешняя политика, СНГ, политический дискурс, ЕАЭС, евразийская интеграция

Для цитирования: Катагощина М.В., Комлева В.В., Кузьменко Е.А., Шейн С.А. Многовекторность во внешней политике стран постсоветского пространства: актуальные проблемы и тенденции // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 4(14). С. 105-123, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4\(14\)-105-123](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4(14)-105-123)

Original article

Political Sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4\(14\)-105-123](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4(14)-105-123)

Multi-vector Approach in the Foreign Policy of the Post-Soviet Countries: Current Issues and Trends

Marya V. Katagoshchina^{1a}✉, Valentina V. Komleva^{2b}✉,
Elena A. Kuzmenko^{3c}✉, Sergei A. Shein^{4d}✉

¹ Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

² National Research Institute for the Communications Development, Moscow, Russia

³ Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia

⁴ National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia

^a marya.katagoshchina@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-5531-7739>

^b komleva@nicrus.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984>

^c kuzmenko_elal@pfur.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4144-2414>

^d sshein@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9749-9116>

Abstract. Multi-vectorism as a principle of foreign policy has been implemented by the CIS countries since the mid-1990s. Over 30 years, experience has been accumulated that allows us to judge the basis of real policy and multi-vectorism as a discourse in the information field. The attitude towards multi-vectorism in the foreign policy of the post-Soviet countries is very different, ranging from purely positive (mainly from the country's political experts) to extremely skeptical (the Russian political science school). The article presents the results of the expert session of the Center for Research of International Humanitarian Communications of the Patrice Lumumba RUDN University "Multi-vectorism in Foreign Policy: Current Problems", which took place on October 8, 2024 and discussed the problems of multi-vectorism: what are the limits of multi-vectorism as a means of maneuvering of post-Soviet political elites in the context of the emerging multipolar model of international relations, are common rules of the game possible for countries of different economic importance, what is the significance of situational alliances and temporary coalitions in the context of multi-vectorism. Based on the results of the discussion, the researchers came to the conclusion that multi-vectorism is an effective tactical resource of major players-moderators, leaders of integration associations and military blocs, used to achieve strategic objectives in the areas of memorial policy, macro-regional security, humanitarian and economic cooperation. With such a balance of forces, middle-level countries risk becoming led and controlled objects of foreign policy ambitions of third countries.

Keywords: multi-vector, foreign policy, CIS, political discourse, EAEU, Eurasian integration

For citation: Katagoshchina M.V., Komleva V.V., Kuzmenko E.A. Shein S.A. Multi-vector Approach in the Foreign Policy of Post-Soviet Countries: Current Issues and Trends. Russia & World: Scientific Dialogue. 2024; 4(14): 105-123, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4\(14\)-105-123](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4(14)-105-123)

Введение

С середины 1990-х гг. многовекторность стала основным декларируемым политическим принципом формирования внешнеполитического курса для многих стран СНГ. Большинство государств постсоветского пространства принадлежит к средним и малым государствам, что предсказуемо привело их к поиску оптимального внешнеполитического положения в трансформировавшейся системе международных отношений через взаимодействие и компромисс со многими политическими игроками.

Данная статья ставит целью выявить и оценить проблемные аспекты многовекторности во внешней политике стран постсоветского пространства. Первая часть статьи раскрывает возможность создания общих правил игры для стран различного ресурсного веса и экономического потенциала. Продолжает исследование анализ пределов многовекторности как средства лавирования постсоветских политических элит в условиях формирующегося нового мирового порядка. В статье ставится вопрос: какова опасность «войны всех против всех» при отсутствии крупных игроков-модераторов межстранового взаимодействия?

Материалы и методы исследования

Данная статья опирается на эмпирический материал внешнеполитических проявлений принципа многовекторности со стороны стран постсоветского пространства, выраженных в реализации гуманитарного, экономического, информационного сотрудничества (соглашения, проекты, программы, организации и институты) с государствами, конкурирующими между собой на международной арене. Дополнительно привлекаются нормативно-правовые акты исследуемых стран. Для проведения кейс-анализа авторы выбирают наиболее репрезентативные факты, которые могут быть квалифицированы в качестве проявлений многовекторности.

При подготовке статьи также были изучены нормативные акты и программные документы, отражающие динамику внешнеполитической стратегии постсоветских государств в области культуры и связанных с ней международных коммуникаций, материалы мероприятий в сфере культурной дипломатии, экспертные оценки глобальных и региональных культурных процессов. Были также задействованы цифровые ресурсы музеев, библиотек, просветительских центров, русскоязычные личные сайты и блоги лиц, участвующих в международном диалоге культур на пространстве Евразии.

Интерпретация данного материала исследования базируется на принципах методологии политического реализма, которые подразумевают примат экономических, политических и военных интересов государства при выстраивании своего внешнеполитического курса. Иерархия межстранового взаимодействия в рамках данной парадигмы находится в прямой зависимости от военно-материальной мощи государства, выступающей гарантом суверенности принятия решений.

Продуктивным в плоскости исследований пределов компромиссов и целесообразности стратегических уступок в попытке выиграть в долгосрочной перспективе является применение методологии теории игр (theory of games), экономико-математические аспекты которой были впервые изложены в работе Дж.фон Неймана и О.Моргенштерна «Теория игр и экономическое поведение» [11]. Особую результативность применение данной методологии показало в отношении военных наук, в особенности – в вопросах принятия стратегических решений. Теория игр применительно к расстановке сил в международных отношениях проанализирована в работах Т.Шеллинга [17], Я.Харшаньи и Р.Зельтена [15].

Результаты исследований

Многовекторность – ресурс сильных? (Комлева В.В.)

Многовекторность как принцип внешней политики рассматривается частью стран как панацея от всех бед. Модель многовекторности используется для баланси-

рования между основными центрами силы с целью получения выгод и привилегий – инвестиций, технологий, доступа к рынкам, международного позиционирования, гарантий безопасности и т.д. Выбор многовекторности часто объясняется необходимостью равной удаленности от мировых центров силы, чтобы сохранить свою суверенность.

Но на практике многовекторность оказывается латентным движением от одного полюса к другому. Внешнеполитическая среда динамична, и малые страны вынуждены в нее вписываться. Сегодня мы наблюдаем это в Беларуси, в Грузии, в Армении.

Есть и другие страны, которые считают многовекторность «непостоянным, бессвязным и идеологически пустым» поведением¹, потому что она препятствует системному и продуктивному сотрудничеству с одним из центров силы. Этой позиции придерживаются страны Прибалтики, Украина. По одновекторному пути пытается идти Молдова. В некоторые периоды это свойственно политике Грузии.

Ключевой вопрос эффективности политики многовекторности – ее обеспеченность, точнее – самообеспечение. Чтобы этот принцип был реализован, нужны ресурсы. А ресурсов мало – как политических, так и экономических. Можем ли мы сказать, что многовекторность выбирается от безысходности? В некоторой степени – да. На практике международные политические роли малых стран² очень ограничены: буферная зона, геополитический шлюз, дипломатический посредник, государство-барьер, периферия. Понимая это, малые страны пытаются усилить свои позиции.

В настоящее время сложились четыре типа многовекторности постсоветских стран (типология дана на основе разработок Николы Контесса [18]):

Первый тип. Такая многовекторность ориентирована на обеспечение национальной безопасности, суверенитета и независимости перед большой силой. Переживания постсоветских стран долгое время концентрировались на боязни попасть в «сферу привилегированных интересов» России. Поэтому отрицались и продолжают отрицаться сильные культурные, лингвистические и исторические привязанности, многовекторная внешняя политика направлена на предотвращение этого «подчинения». Одновременно страны начали избегать и Запада, и Китая.

Второй тип. Этот тип политики многовекторности ориентирован на противодействие факторам, которые подрывают легитимность политической власти (или сеют сомнения в ее легитимности). Страны вступают в разные международные и региональные организации, порой противоречащие друг другу по целям и средствам. Например, вступление в западные региональные организации, такие как ОБСЕ, и одновременное участие в ШОС и ОДКБ. Организации используются как источник международной (ре)легитимации.

1 Ивженко Т. Оранжевая многовекторность // Независимая газета. СНГ. Интернет-версия. 20.10.2005. URL: https://www.ng.ru/cis/2005-10-20/5_mnogovektornost.html.

2 Дискуссия о критериях малых и средних стран выходит за рамки данного выступления. Однако автор рекомендует обратить внимание на публикации: [9, 12].

Третий тип. Данный тип ориентирован на многовекторность диверсификации покупателей природных ресурсов. Страны-экспортеры ресурсов нацелены на разработку альтернативных маршрутов экспорта для увеличения прибыли.

Четвертый тип. Заключительный тип ориентирован на социально-экономическое развитие путем диверсификации инфраструктуры и интеграции в глобальные транспортные маршруты.

Дополнительно к этим типам отмечу пятый и шестой типы многовекторности. Пятый тип ориентирован на достижение целей развития интеллектуального потенциала страны. С этим связана многовекторная научная и образовательная политика государства. При этом возникают риски зависимости от внешних акторов образовательной политики. Шестой тип связан с поиском основ национальной идентичности и обуславливает многовекторную политику исторической памяти.

В такой интерпретации многовекторность открывает следующие возможности для стран:

1. Экономические: инвестиции крупных держав, социально-экономические программы развития, содействие в выходе на международные рынки.

2. Внутривекторные: содействие в решении внутривекторных проблем, урегулирование конфликтов, поддержка отдельных элит, развитие гражданского сектора.

3. Внешневекторные: легитимация режимов, обеспечение безопасности, защита и др.

4. Позиционные: элиты постсоветских стран используют определенные переговорные стратегии с конкурирующими внешними игроками, обеспечивая свое международное позиционирование. Так как их возможности в переговорах ограничены, они пытаются усилить переговорную позицию посредством тактического маневрирования, преследуя свои собственные цели.

Эксперты выделяют такие тактики, как: интернационализация спора (включение третьей силы для защиты от другой силы); угроза перехода в альтернативный лагерь; торговля своей «лояльностью»; провоцирование конфронтации между конкурирующими внешними участниками и др. Однако внешние игроки хорошо понимают стратегические цели малых стран и либо допускают эту игру до определенного момента, либо прекращают ее. Тогда малое государство теряет все преимущества.

В свою очередь, риски и угрозы многовекторности связаны с конкурирующими геополитическими и геоэкономическими интересами крупных игроков (России, ЕС, США, Китая). Политика многовекторности в малых странах – это возможность для крупных игроков продавить свою повестку и установить свое влияние в стране для реализации своих интересов и втягивания стран в свою орбиту. Для этого используются разные инструменты и мотивы. Например, ЕС говорит о возможности евроинтеграции и финансовой помощи в обмен на принятие западных ценностей, целей и принципов. США протаргивает гарантии безопасности в обмен на отмежевание от России.

Россия же интегрирует своих партнеров в двусторонних и многосторонних форматах, обращается к теме «общей зоны цивилизации», «историческому и духов-

ному наследию»³, сложившимся экономическим и хозяйственным связям, стремлениям сделать мир многополюсным. По сути, страны оказываются под разным противоречивым и конкурирующим внешним давлением. Украина стала апогеем этого противостояния.

Что касается других крупных игроков, то Китай предлагает инвестиции и выгоды от проекта «Один пояс – один путь» и идеологии сообщества единой судьбы. Турция секьюритизирует проблематику идентичности, капитализирует идею тюркского мира, усиливает политическое влияние через культурные и экономические тюркские проекты.

Однако для постсоветских стран выбор приоритетного партнера часто мотивирован не схожестью идей, ценностей или глобальных позиций, а стремлением сохранить и стабилизировать собственную власть, стремлением легитимизировать политический режим на внутреннем и внешнем уровне⁴. С этих позиций Россия оказывается более надежным партнером для стран постсоветского пространства.

Многовекторность культурной политики стран Евразии: преимущества и риски в условиях информационного общества (Катагощина М.В.)

За последние 15–20 лет влияние культуры (в широком смысле этого слова) на жизнь современных обществ заметно возросло по всему миру. Международное экспертное сообщество связывает этот процесс с переходом в цифровые формы огромного массива литературных текстов, художественных образов, кино и иных проявлений исторической и современной культуры – как массовой, так и элитарной. Принципиально новый уровень доступности культуры в цифровом формате существенно расширил географические и социальные рамки ее потребления, при этом общий уровень культуры и духовности людей снижается [5]. Развитие культуры приобрело противоречивый характер, определяющийся противоборством традиционных и постмодернистских ценностей [7]. Приметами времени стали также коммерциализация культурно-информационной сферы и развитие так называемых креативных индустрий, активно стимулирующих развитие международного культурного обмена.

Данные процессы достаточно широко охватывают информационное пространство Евразии, в том числе страны, не так давно интегрировавшиеся в глобальную цифровую систему, и выступают стимулом развития многоуровневых и многовекторных интеллектуально-культурных коммуникаций. Эти коммуникации, которые, как и всё, связанное с глобальной информатизацией, содержит в равной степени плюсы

³ Статья Министра иностранных дел России С.В. Лаврова «Россия и мир в XXI веке», опубликованная в журнале «Россия в глобальной политике», № 4, июль-август 2008 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1738219/.

⁴ Схожие модели поведения были характерны для стран «третьего мира» в отношении великих держав. См. подробнее теорию омнибалансирования (omnibalancing) Стивена Дэвида [19].

и минусы, преимущества и риски, в настоящее время становятся заложниками геополитики. Информационные войны, в которые сегодня вовлечены, с одной стороны, коллективный Запад, с другой – Россия и страны СНГ, а также многие другие государства, отстаивающие традиционные ценностные ориентиры, становятся причиной крайне тревожных тенденций в мировой культуре. С одной стороны, культура была и остается незаменимым фактором укрепления мира и сотрудничества. С другой – приходится констатировать, что именно в области культуры и духовности возникают линии конфликтности и различные когнитивные диссонансы, феномены отмены и подмены всемирно значимых культурных ценностей, в том числе при участии сетевых сообществ и искусственного интеллекта.

В условиях все более отчетливо проявляющегося геополитического и цивилизационного разлома происходят изменения во внешней культурной политике России и большинства постсоветских государств: при сохранении принципа многовекторности культурных связей активно формируются новые приоритеты.

Уже достаточно давно термин «цивилизация», в основе которого, так или иначе, находятся представления о культуре, а также производные от него, такие как «цивилизационный код», вышли за рамки академических текстов и были включены в методологический инструментарий государственной политики России и ряда стран Евразии. Акцентирование на историчности, идеях возрождения древних цивилизационных кодов, культурных традиций изначально присутствовало в культурной политике большинства постсоветских государств [13]. Так, в нормативных и публицистических документах Российской Федерации в 2020-е гг. вводится определение России как государства-цивилизации, соединяющего наследие многих народов в уникальную культурно-историческую общность. Концепт «Цивилизация Великой степи» является стержнем культурной политики в Казахстане и Кыргызстане. Причем образы древних кочевых цивилизаций продвигаются обеими странами как международный бренд в искусстве и спорте. Примерами подобной активности являются казахстанский музейный проект «Шествие золотого человека» и Всемирные игры кочевников, проходящие в Киргизской Республике.

Культурная политика современного Узбекистана выстраивает концепцию национального самосознания, обращаясь к истории Центральноазиатского ренессанса IX–XII вв., творчеству суфийских поэтов, личностям Амира Тимура, Мирзо Улугбека и других просвещенных правителей средневекового Востока. Идея просвещенного ислама как основы духовной культуры страны воплощается в Центре исламской цивилизации в Ташкенте. Проектом большой информационной силы стала программа по выявлению культурного наследия Узбекистана в собраниях мира, в рамках которой была осуществлена публикация на нескольких языках первоклассных художественных альбомов и факсимильных изданий памятников письменности, а также проведено несколько крупных международных конгрессов, посвященных культуре Узбекистана⁵.

5 Проект «Культурное наследие Узбекистана в собраниях мира». URL: <https://legacy.uz/>.

Поиску цивилизационной миссии армянского народа посвящены публикации историков и философов современной Армении, неизменно обращенные к историческим корням армянской духовной культуры, армянскому языку и книжности [10].

При этом концепция столкновения цивилизаций сегодня выглядит значительно более актуальной, чем в девяностые годы, когда она была сформулирована. В принятых еще в 2010 г. «Основных направлениях политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества» говорилось об усиливающихся попытках расколоть мир по цивилизационному признаку и необходимости усиливать конструктивный потенциал культурной дипломатии⁶.

Глубина ментальных противоречий между современным Западом и миром традиционных цивилизаций выдвигается на первый план в ряде новейших американских и европейских исследований. Так, например, эксперты Британского Королевского института международных отношений (Chatham House), проведя несколько лет назад анализ внешней и внутренней политики России, пришли к выводу о том, что, кто бы ни находился у власти в нашей стране, нормализовать отношения с ней Западу не удастся из-за глубочайшей разницы в целях и ценностях⁷. Такой пессимистичный сценарий, в том числе отказ от опыта нормализации международных отношений между коллективным Западом и СССР, конечно, не может не вызывать тревоги.

Возникает вопрос: может ли в данной ситуации сохраняться и развиваться многовекторность в культуре и культурной политике, учитывая, что многовекторность в данном случае – это синоним открытости, то есть свободы культурного обмена?

Следует подчеркнуть, что открытость была и остается базовым принципом культурной политики России и других постсоветских государств, что отражено в наших национальных законодательствах. Практически все страны Евразии столетиями существовали на перекрестках культурных влияний, каждая по-своему. Так, белорусская культура складывалась в процессе взаимодействия европейских и восточнославянских влияний, самобытность культур Южного Кавказа складывается из неповторимого сплава Востока и Запада и т.д. Кроме того, в дореволюционной России и СССР, а также в постсоветских государствах в силу их полиэтничности сложился уникальный опыт взаимодействия разных культур. Так что многовекторность культуры как способность к диалогу заложена на евразийском пространстве изначально. В Концепции развития национального культурного пространства во всех сферах жизни общества на 2024–2026 гг. Республики Беларусь ставится, в частности, задача сохранения культурного многообразия и открытости к результатам творческой деятельности иных народов, лучшим образцам мировой культуры. Особый акцент на открытости культурной жизни делается в современном Казахстане, что коррелирует

6 Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества. 18 декабря 2010 г. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1751584/.

7 Торин А. Цифровые технологии перед вызовом информационных фальсификаций // Международная жизнь. 16.11.2023. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/43273>.

с «Концепцией целостного и универсального человека («Толық адам»), изложенной в философском учении казахского мыслителя Абая.

Безусловно, сегодняшние процессы в мировой политике ведут к определенному «проседанию» принципа многовекторности внешних культурных связей, во всяком случае, на межгосударственном уровне. Можно также говорить о регионализации культурных пространств, также связанной с геополитическим и духовно-ценностным размежеванием современного мира. Так, в условиях гибридных войн в странах евразийского региона вводятся дополнительные инструменты информационной безопасности. При этом можно констатировать общую для России и ее ближайших партнеров тенденцию включения традиционных культурных и духовных ценностей в число факторов обеспечения государственного суверенитета и национальной безопасности. Сегодня в России и странах СНГ действует целый ряд установлений соответствующей тематики. Это, в частности, «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», «Национальная программа о сохранении и развитии национальных традиций на 2022–2027 годы» в Кыргызской Республике. Продвижение традиционных культурных ценностей и религий призвано противостоять угрозам международного терроризма и экстремизма, а также чужеродным влияниям, которые рассматриваются как угроза культурному суверенитету. В этой связи актуализируются меры в области обеспечения странами СНГ цифрового суверенитета⁸.

При этом сближение ценностных духовно-культурных ориентиров может выступать стимулом для активизации международных культурных связей между постсоветскими странами. Платформами развития внутренних культурных коммуникаций в рамках СНГ выступают русский язык, применение которого в интеллектуальной сфере остается на высоком уровне, несмотря на общую тенденцию к сокращению, многоплановые межличностные связи граждан стран Содружества. 16–19 сентября 2024 г. в Уфе состоялся XVII Форум творческой и научной интеллигенции стран СНГ «Содружество Независимых Государств: общие ценности и многообразие культур». В принятой его участниками резолюции, в частности, предлагается: «Наряду с сотрудничеством на федеральном и национальном уровне развивать прямые горизонтальные связи между учреждениями и организациями культуры, искусства, художественного образования и творчества различных регионов стран Содружества», а также «признать необходимым изучение и последующее совместное использование возможностей образовательных цифровых платформ государств – участников СНГ с целью формирования общих научного и образовательного пространств»⁹.

Необходимо отметить, что цифровизация культуры во многом выводит ее за пределы государственного регулирования и культурной политики. Государственные просветительские ресурсы, как, например, ценный проект «Виртуальные музеи

8 Елена Зиновьева: Гибридное воздействие цифровых технологий может подорвать цивилизационный код / Педанов Е. // Международная жизнь. 16.11.2023. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/43282>.

9 Завершил работу Форум творческой и научной интеллигенции СНГ. URL: <https://mfgs-sng.org/forum/forum-news/zavershil-rabotu-forum-tvorcheskoj-i-nauchnoj-intelligencii-sng/>.

СНГ», размещенный на одном из порталов Исполнительного комитета Содружества¹⁰, существуют на равных с социальными сетями, блогерами и сообществами. При этом большое позитивное впечатление производят историко-культурные порталы, которые действуют в русскоязычном Интернете на евразийском пространстве и выступают хранителями общей исторической памяти. В качестве примеров можно привести историко-познавательную интернет-группу «Тифлис и армяне», которая на сегодня насчитывает более 38 тыс. участников, официальный сайт движения «Бессмертный полк» в Душанбе, краеведческий сайт «Наш Баку», где помимо материалов по истории и культуре древнего города, размещаются материалы о бакинцах – участниках Великой Отечественной войны. Вышеназванные и многие другие сообщества, как правило, носят международный характер, поддерживая связи между метрополиями и диаспорами стран СНГ, а также общение между поколениями. Подобные сегменты русскоязычной сети смягчают характерное для современного мира «размывание традиционных интегративных функций культуры»¹¹.

Помимо информационных угроз идеологического и криминального характера, информационное пространство Евразии сталкивается сегодня с культурными вызовами глобального характера, связанными с искусственным интеллектом. Негативному влиянию цифровых технологий на сферу культуры большое внимание уделяется ЮНЕСКО, эксперты которой неоднократно отмечали участие искусственного интеллекта в создании исторических фейков и искажении художественных образов, перспективы девальвации творческого труда человека¹².

В ценностный багаж науки, образования и культуры постсоветских государств входит все богатство мировой литературы, искусства, достижений гуманитарного знания, но определенные компоненты сегодня исчезают или искажаются. В сочетании с парадоксом отмены русской культуры, который неизбежно затрагивает и культурное наследие стран СНГ, связанное с русским языком и классическим музыкально-театральным искусством, сегодня существует общий для народов Евразии культурный информационный и политический вызов. Представляется возможным говорить о том, что Россия и другие постсоветские государства вольно или невольно принимают на себя глобальную культурную миссию – сохранение мирового культурного наследия, от которого пытается отказаться коллективный Запад. Для выполнения данной задачи мы обладаем достаточно мощной инфраструктурой в виде крупных национальных библиотек, архивов и других центров хранения информации, в том числе электронной, а также социальными ресурсами в лице творческой интеллигенции, ученых, педагогов, являющихся носителями традиционного отношения к мировой культуре и искусству.

10 Виртуальные музеи СНГ. URL: <https://cis.minsk.by/museums>.

11 Громогласова Е. Риски культурной глобализации через призму семиотики культуры. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/missiya-vypolnima-kulturnaya-politika-i-diplomatiya-rossii-v-globalnom-mire/>.

12 Искусственный интеллект в аудиовизуальной индустрии – дискуссия ЮНЕСКО на высоком уровне. URL: <https://news.fidller.com/2023/10/31/iskusstvennyy-intellekt-v-audiovizualnoy-industrii-diskussiya-yunesko-na-vysokom-urovne/>.

Многовекторность – путь к успеху или риск? (Кузьменко Е.А.)

Несмотря на ассоциированность и ощутимую связь своего внешнеполитического веса с Российской Федерацией, уже с начала 2000-х гг. страны СНГ стали демонстрировать мультивекторный подход в выстраивании двусторонних и многосторонних отношений с другими странами, формулируя в стратегических документах основные идеологемы многовекторности и раскрывая их политическое содержание («Политика открытых дверей» в Таджикистане, комплементаризм в Армении, постоянный нейтралитет Туркменистана, дипломатия Шелкового пути Кыргызстана и новое евразийство) [4, с. 63]. Более того, признаком многовекторности «на опережение» стало не только наличие мультипартнерских установок в стратегических документах, но и отсутствие таковых. Так, четкой концепции внешней политики не имеют такие страны, как Азербайджан, Армения, Беларусь, Грузия. Данные страны поддерживают комфортный люфт во внешнеполитическом курсе и предпочитают не документировать официально иерархию основных внешнеполитических партнеров [4, с. 65]. Симптоматично, что, наряду с установлением двусторонних межгосударственных связей и партнерства в рамках различных интеграционных объединений, такие страны, как Азербайджан, Беларусь, Туркменистан, Узбекистан, вступили также в ряды членов Движения неприсоединения, которое в 1998–2012 гг. провозгласило в качестве основной задачи искоренение бедности в странах «третьего мира» [6, с. 19], нивелировав, таким образом, свою контрбиполярную идентичность.

В политическом нарративе многовекторность противопоставляется узкоориентированной внешней политике и позиционируется как политика дружелюбия, сбалансированности и прагматизма по всем геополитическим направлениям без выделения приоритетного. Страновые эксперты-политологи и государственные деятели придерживаются преимущественно положительного мнения в политических оценках многовекторности внешней политики государств СНГ на рубеже XX–XXI вв. Так, А.Акаев (Президент Кыргызской Республики в 1991–2005 гг.) в своем интервью научному журналу «Современная Европа» интерпретирует многовекторность как «естественное» положение дел в Кыргызстане, при котором отсутствуют противопоставления России и Запада, евразийства и европеизма, ЕвразЭС и Евросоюза [1, с. 9–10]. Количество же научных статей представителей академического сообщества стран СНГ, посвященных апологии многовекторности как важнейшей опоры политической элиты при строительстве национального государства, более чем внушительно [2; 3; 16].

Многовекторность, практикуемая как в реальном политическом пространстве, так и в информационном поле, становится политическим дискурсом, сформулированным таким образом, чтобы подчеркнуть самостоятельность, субъектность и суверенность страны в принятии внешнеполитических решений, аксиологическая сторона которых связана с укреплением национального благосостояния. Так, в политологическом ракурсе уже упомянутый комплементаризм Республики Армения подразумевает политическую модель поведения государства, ориентированную на равную удаленность от всех центров силы. Политика государства при этом барражи-

рует на уровне своеобразной игры на повышение ставок в ожидании выбора более удачного и выгодного партнера (субъекта или объекта) по интегрированию.

Тем не менее у такого подхода к внешнеполитическим отношениям с другими акторами имеются не только преимущества, но и риски. Страны среднего порядка при таком соотношении сил могут попасть в положение ведомых и управляемых, стать объектами внешнеполитических амбиций третьих стран.

Основные черты стратегии Евросоюза в отношении государств Центральной Азии на современном этапе (Шейн С.А.)

Множественные кризисы Европейского союза сокращают возможности его адаптации к поляризации международной среды и росту влияния Азии. Снижение экономической привлекательности объединения, растущие разделительные линии между Западной и Восточной Европой, нерешенность миграционных проблем – долгосрочные тренды, которые усугубляют ситуацию. Парадоксально, но это не приводит к концентрации ЕС на решении внутренних проблем, а напротив, подталкивает Брюссель к активизации на внешнеполитическом треке и геополитизации объединения для решения проблем внутреннего развития и внутренней консолидации.

Несмотря на географическую удаленность региона Центральной Азии и слабую заинтересованность европейского бизнеса в нем, Брюссель пытается активизировать свое присутствие в регионе.

Во-первых, внимание к странам Центральной Азии соответствует логике ЕС по повышению стрессоустойчивости своих международных партнеров¹³ для купирования риска «экспорта» проблем в области безопасности на территорию ЕС. В случае Центральной Азии основной угрозой выступает наркотрафик и транзит террористических группировок из Афганистана в Европу.

Во-вторых, вместе с усилением конфликтного характера взаимоотношений России и Запада (с 2014 г.), а затем переходом к «санкционной войне» Запада с РФ (с 2022 г.) ЕС стал рассматривать Центральную Азию с точки зрения «территории для обхода» санкционных ограничений для РФ, а также в качестве «площадки», где Брюссель смог бы построить инфраструктуру межрегионального экономического сотрудничества в рамках проекта «Глобальные ворота», которая исключала бы Россию. Именно второй подход становится доминирующим в восприятии стран Центральной Азии со стороны Брюсселя.

Несмотря на широкий спектр инструментов ЕС для работы в регионе, таких как стабильная сеть политических консультаций на уровне глав государств и министерств, деятельность Европейского инвестиционного банка, обширные гуманитарные и образовательные проекты (ERASMUS, Horizon 2020), зачастую в экспертной среде ЕС в Центральной Азии оценивается как «донор без влияния»¹⁴, проигрывающий

¹³ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe – A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy // EEAS. 28.06.2016. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eugs_review_web_0.pdf.

¹⁴ Пейруз С. Донор без влияния: Европейский союз в Средней Азии // Ponars Eurasia. 02.09.2017. URL: <https://www.ponarseurasia.org/9359/>.

с точки зрения «конкурентности» предложения центральноазиатским государствам внерегиональным акторам (России, Китаю, США, даже Турции) [8].

На этом фоне активность ЕС в регионе в контексте украинского кризиса позволяет сформулировать ряд тенденций, которые характеризуют внешнюю политику Брюсселя на указанном направлении.

Во-первых, в последние два года внешняя политика Европейского союза в отношении Центральной Азии испытывает влияние секьюритизации энергетической проблематики Брюсселем вследствие украинского кризиса. Центральная Азия все больше рассматривается ЕС с точки зрения возможностей диверсифицировать свои риски в области энергетической безопасности [14]. Инструментом вовлечения стран данного региона в орбиту «зеленого курса» Евросоюза стал проект «Устойчивые энергетические связи в Центральной Азии» (SECCA). Указанный проект направлен на продвижение устойчивого энергетического баланса в регионе на основе практик ЕС по переходу к устойчивой энергетической системе, увеличение инвестиций и энергопотенциала¹⁵.

С 2023 г. Европейский союз во взаимодействии со странами региона фокусируется на интеграции центральноазиатской стратегии в свой масштабный проект «Глобальные ворота», предполагающей «усиление связности» ЕС и Центральной Азии через инфраструктурные проекты, в том числе и в области энергетики¹⁶. Так, в рамках Дорожной карты 2023 г. по углублению взаимоотношений центральноазиатских государств с ЕС предполагается сближение транспортной инфраструктуры стран Центральной Азии с Трансевропейской транспортной сетью (TEN-T), разработка критических сырьевых материалов, финансирование «зеленых» проектов в регионе и т.д.¹⁷

Во-вторых, явной тенденцией последних лет стало применение со стороны ЕС в отношении Центральной Азии негативных экономических стимулов. Использование инструмента вторичных санкций в отношении бизнеса из стран данного региона, активно сотрудничавшего с российскими компаниями, нашло яркое отражение в 11-м пакете санкций Евросоюза в июне 2023 г., а также в последующих пакетах. Более того, Высокий представитель по иностранным делам и политике безопасности ЕС Ж.Борель в 2024 г. на инвестиционном транспортном форуме Европейского союза и стран Центральной Азии открыто заявил, что ЕС «внимательно следит за торговлей между нами, <...> центральноазиатскими партнерами и Россией, анализирует, какие механизмы позволяют обходить санкции»¹⁸.

15 Новый проект Европейского Союза по развитию устойчивой энергетики в Центральной Азии // Представительство Европейского Союза в Республике Казахстан. 17.11.2022. URL: <https://www.eeas.europa.eu/delegations/kazakhstan/новый-проект-европейского-союза-по-развитию-устойчивой-энергетики-в-ru?s=222>.

16 Евросоюз хочет превратить Центральную Азию в арену противостояния с Россией // Евразия. Эксперт. 06.02.2024. URL: <https://eurasia.expert/evrosoyuz-khochet-prevratit-tsentrlnuyu-aziyu-v-arenu-protivostoyaniya-s-rossiey/>.

17 Главы МИД Центральной Азии и Европейского Союза впервые провели полноформатную встречу // Министерство иностранных дел Республики Казахстан. 24.10.2023. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa/press/news/details/641029?lang=ru>.

18 Ключевой партнер: ЕС решил активно сближаться со странами Центральной Азии // Известия. 01.02.2024. URL: <https://iz.ru/1642784/ksenii-loginova/kliuchevoi-partner-es-reshil-aktivno-sblizitsia-so-stranami-tcentralnoi-azii>.

В-третьих, на фоне повышенного внимания Евросоюза к Центральной Азии в контексте украинского конфликта его внешнеполитическая стратегия не стала более детализированной и проработанной. ЕС пытается распространять свой опыт регионального сотрудничества для «пятерки» стран Центральной Азии, но при этом использовать нормативный подход к политическим процессам в странах данного региона и уделять достаточно серьезное внимание финансированию некоммерческих организаций¹⁹. Вместе с тем Брюссель придерживается скорее шаблонных подходов к оценке развития стран Центральной Азии, в недостаточной степени учитывает региональное многообразие, а также зачастую демонстрирует отсутствие экспертного знания относительно региона.

Таким образом, все вышеперечисленное может стать барьером для восприятия Европейского союза как эффективного и предсказуемого партнера странами региона и будет работать на сохранение образа объединения как «донора без влияния» в Центральной Азии в долгосрочной перспективе. Стоит также отметить, что в ходе работы нового состава Европейской комиссии в 2024–2029 гг. следует ожидать продолжения санкционного давления в отношении бизнеса из стран Центральной Азии, который сотрудничает с Россией; активизации визитов европейских лидеров, чиновников и дипломатов в страны данного региона с целью оказать давление на руководство государств региона по вопросу поддержки антироссийских санкций. Выбрав путь геополитизации объединения, Европейский союз будет активнее втягиваться в конкуренцию с другими центрами силы в регионе (речь в первую очередь идет о России), что будет снижать эффективность его центральноазиатской стратегии.

Обсуждение результатов

Страны постсоветского пространства, участвующие в евразийском интеграционном процессе, являются мир-образующим, самодостаточным сообществом, которое имеет огромный потенциал развития как национальной, так и коллективной культурной политики и формирования разнообразных векторов международных культурных коммуникаций.

Многовекторность внешних культурных коммуникаций стран Евразии может и должна способствовать закреплению и продвижению культурного многообразия и духовного богатства человечества. Стремительный рост информационных технологий одновременно упрощает эти задачи и создает множество рисков, значительная часть которых связана с противоборством ценностных систем, противостоянием невежества и знания, доброй и злой воли.

19 Основы сотрудничества ЕС – Центральная Азия // EEAS. 29.09.2022. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/основы-сотрудничества-ес-центральная-азия_ru.

Выводы

Таким образом, политика неподкрепленной многовекторности в актуальных международных условиях для постсоветских стран практически не реальна. Такая политика способствует тому, что страна становится зоной конкуренции внешних сил и создает благоприятные условия для внутривекторных дестабилизаций с внешним участием. Возникает вопрос: можно ли сохранить многовекторность в таких условиях? Ответом служит – да, может, но в относительно благоприятной для этого международной среде. К тому же для продуктивной многовекторности и балансирования требуются большие усилия и ресурсы внутри страны, большой опыт международного участия, что только сейчас начинает осознаваться элитами постсоветских стран.

Современная международная ситуация вынуждает страны Евразийского региона более четко определять свою внешнеполитическую позицию. При этом сфера культуры в большей степени, по сравнению с другими направлениями внешних связей, способна сохранять свою подлинную многовекторность, как часть общественной дипломатии и межличностных коммуникаций. Кроме того, существуют достаточно широкие возможности развития традиционных и цифровых форм международного культурного взаимодействия внутри постсоветского пространства. Их сохранение и потенциал роста обусловлены историческим опытом и близостью цивилизационных ценностей евразийских стран. Роль Российской Федерации может заключаться в интенсификации усилий по поддержке традиционных культурных ценностей и религий, противостоянию угрозам международного терроризма и экстремизма и другим вызовам духовному суверенитету.

Список литературы

1. Акаев А. Новое понимание евразийства [A new understanding of Eurasianism] // Современная Европа. 2001. № 1(5). С. 7–13.
2. Большаков А.Г. Многовекторность внешней политики Киргизии в контексте изменения конфликтности на постсоветском пространстве [The multi-vector nature of Kyrgyzstan's foreign policy in the context of changing conflict in the post-Soviet space] // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2010. № 2(6). С. 99–115.
3. Галоян Н.Г. Формирование внешнеполитических принципов Армении и Грузии после распада СССР [Formation of the foreign policy principles of Armenia and Georgia after the collapse of the USSR] // Постсоветские исследования. 2018. Т. 1. № 1. С. 94–106.
4. Дегтерев Д.А., Василюк И.П., Баум В.В. Параметры многовекторности внешней политики стран СНГ: прикладной анализ [Multiplexity Parameters of the CIS Policy: Applied Analysis] // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 1. С. 63–75. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-1-63-75>.
5. Добренчиков В.И. Глобализация духовности [Globalization of Spirituality]. М.: Академический Проект, 2019. 589 с.
6. Крылов С.А. 50 лет движению неприсоединения: итоги и перспективы [50 years of the Non-Aligned Movement: results and prospects] // Вестник МГИМО Университета. Политологические науки. 2012. № 3. С. 17–25.
7. Макаревич Э.Ф., Карпунин О.И. Культура информационного общества: противостояние традиций и постмодерна [The Culture of the Information Society: Confrontation of Traditions and Postmodernism] // Горизонты гуманитарного знания. 2020. № 3. С. 12–20.

8. Малышева Д.Б. Европейский союз в Центральной Азии [The European Union in Central Asia] // Россия и новые государства Евразии. 2018. № 2. С. 54–63.
9. Межевич Н.М., Шимов В.В. Концепция многовекторности в системе внешнеполитических практик «средней страны» (на примере Беларуси) [The Concept of Multi-Vectorality in the System of Foreign Policy Practices of an "Average Country" (on the Example of Belarus)] // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2022. Т. 15. Вып. 4. С. 436–450. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2022.406>.
10. Мирумьян Р.А. Армянская модель национального просвещения (образования и воспитания) как механизм сохранения культурной самобытности нации: от язычества до раннего средневековья (политико-философский аспект) [The Armenian model of national enlightenment (education and upbringing) as a mechanism for preserving the cultural identity of the nation: from paganism to the early Middle Ages (political and philosophical aspect)] // Вестник Российско-Армянского (Славянского) университета (Серия: Гуманитарные и общественные науки). 2024. № 2. С. 13–42.
11. Нейман фон Дж., Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение [Theory of games and economic behavior] / Пер. с англ. Н.Н.Воробьева. М.: «Наука», 1976.
12. Скриба А.С. Балансирование малых и средних государств [Balancing small and medium-sized states] // Международные процессы. 2014. Т. 12. № 4. С. 88–100.
13. Спирина М.Ю. Традиционные ценности и евразийская культура [Traditional values and Eurasian culture] // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения. 2022. № 11. С. 39–43.
14. Трещенков Е.Ю. Регион Центральной Азии в политике Европейского союза [The Central Asian region in the policy of the European Union] // Современная Европа. 2022. № 1. С. 184–195.
15. Харшанья Я., Зельтен Р. Общая теория выбора равновесия в играх [A General Theory of Equilibrium Selection in Games] / Пер. с англ. Ю.М.Донца, Н.А.Зенкевича, Л.А.Петросяна, А.Е.Лукьяновой, В.В.Должикова, под ред. Н.Е.Зенкевича. СПб.: Экономическая школа, 2001. 424 с.
16. Шадурский В.Г. Формирование концептуальных основ внешней политики Республики Беларусь (1991–2011) [Formation of the conceptual foundations of the foreign policy of the Republic of Belarus (1991–2011)] // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. 2011. № 3. С. 31–36.
17. Шеллинг Т. Микромотивы и макровыбор [Micromotives and Macrobehavior]. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 344 с.
18. Contessi N. Foreign and Security Policy Diversification in Eurasia: Issue Splitting, Co-alignment, and Relational Power // Problems of Post-Communism. 62(5):299-311. <https://doi.org/10.1080/10758216.2015.1026788>. URL: https://www.researchgate.net/publication/282803714_Foreign_and_Security_Policy_Diversification_in_Eurasia_Issue_Splitting_Co-alignment_and_Relational_Power.
19. David S. Explaining Third World Alignment // World Politics. 1991. № 2. P. 233–256.

Информация об авторах

КАТАГОЩИНА Мария Всеволодовна. Кандидат исторических наук. Старший научный сотрудник Института евразийских и межрегиональных исследований Российского государственного гуманитарного университета. <https://orcid.org/0009-0005-5531-7739>. Адрес: Российская Федерация, 125047, г. Москва, Миусская пл., 6. maria.katagoshchina@yandex.ru

КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна. Доктор социологических наук. Профессор. Заместитель директора по научной работе Национального исследовательского института развития коммуникаций. <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984>. Адрес: Российская Федерация, 119571, г. Москва, Коробейников переулок, 22, стр. 1. komleva@nicrus.ru

КУЗЬМЕНКО Елена Алексеевна. Кандидат исторических наук. Директор Центра исследований международных гуманитарных коммуникаций Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы. <https://orcid.org/0000-0003-4144-2414>. Адрес: Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6. kuzmenko_elal@pfur.ru

ШЕЙН Сергей Александрович. Кандидат политических наук. Академический директор Аспирантской школы по международным отношениям и зарубежным региональным исследованиям, старший научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». <https://orcid.org/0000-0001-9749-9116>. Адрес: Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, 20. sshein@hse.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 22 октября 2024 г. Одобрена после рецензирования: 10 ноября 2024 г. Принята к публикации: 30 ноября 2024 г. Опубликовано: 4 декабря 2024 г.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Akaev A. A new understanding of Eurasianism. *Sovremennaya Evropa* [Modern Europe]. 2001; 1(5):7–13 [In Russian].
2. Bolshakov A.G. The multi-vector nature of Kyrgyzstan's foreign policy in the context of changing conflict in the post-Soviet space. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEX* [Political expertise: POLITEX]. 2010; 2(6):99–115 [In Russian].
3. Galoyan N.G. Formation of the foreign policy principles of Armenia and Georgia after the collapse of the USSR. *Postsovetskie issledovaniya* [Post-Soviet studies]. 2018; 1(1):94–106 [In Russian].
4. Degterev D.A., Vasilyuk I.P., Baum V.V. Multiplexity Parameters of the CIS Policy: Applied Analysis. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World economy and international relations]. 2018; 62(3):63–75 [In Russian]. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-1-63-75>.
5. Dobrenkov V.I. Globalization of Spirituality. Moscow: *Academicheskii Proekt*, 2019:589 [In Russian].
6. Krylov S.A. 50 years of the Non-Aligned Movement: results and prospects. *Vestnik MGIMO Universiteta. Politologicheskie nauki* [Bulletin of MGIMO University. Political science]. 2012; 3:17–25 [In Russian].
7. Makarevich E.F., Karpushin O.I. The Culture of the Information Society: Confrontation of Traditions and Postmodernism. *Gorizonty gumanitarnogo znaniya* [Horizons of Humanitarian Knowledge]. 2020; 3:12–20 [In Russian].
8. Malysheva D.B. The European Union in Central Asia. *Rossiia i novye gosudarstva Evrazii* [Russia and the New States of Eurasia]. 2018; 2:54–63 [In Russian].
9. Mezhevich N.M., Shimov V.V. The Concept of Multi-Vectorality in the System of Foreign Policy Practices of an "Average Country" (on the Example of Belarus). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of St. Petersburg University. International Relations]. 2022; 15(4):436–450 [In Russian]. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2022.406>.
10. Mirumyan R.A. The Armenian model of national enlightenment (education and upbringing) as a mechanism for preserving the cultural identity of the nation. from paganism to the early Middle Ages (political and philosophical aspect). *Vestnik Rossijsko-Armyanskogo (Slavyanskogo) universiteta (seriya: gumanitarnye i obshchestvennye nauki)* [Bulletin of the Russian-Armenian (Slavic) University (series: humanitarian and social sciences)]. 2024; 2:13–42 [In Russian].
11. Neumann von J., Morgenstern O. Theory of games and economic behavior / Translated from English by N.N. Vorobyova. Moscow: Nauka, 1976 [In Russian].
12. Skriba A.S. Balancing small and medium-sized states. *Mezhdunarodnye processy* [International processes]. 2014; 12(4):88–100 [In Russian].
13. Spirina M.Yu. Traditional values and Eurasian culture. *Evraziystvo: teoreticheskij potencial i prakticheskie prilozheniya* [Eurasianism: theoretical potential and practical applications]. 2022; 11:39–43 [In Russian].

14. Treshchenkov E.Yu. The Central Asian region in the policy of the European Union. *Sovremennaya Evropa* [Modern Europe]. 2022; 1:184–195 [In Russian].
15. Harsanyi J., Selten R. A General Theory of Equilibrium Selection in Games / Translated from English. Yu.M.Donts, N.A.Zenkevich, L.A.Petrosyan, A.E.Lukyanova, V.V.Dolzhikov edited by N.E.Zenkevich. St. Petersburg: Economic School, 2001:424 [In Russian].
16. Shadurskiy V.G. Formation of the conceptual foundations of the foreign policy of the Republic of Belarus. *Vesnik balaruskaga dzhyarzhavnogo universiteta* [Bulletin of the Belarusian State University]. 2011; 3:31–36 [In Russian].
17. Schelling T. *Micromotives and Macrobehavior*. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2016:344 [In Russian].
18. Contessi N. Foreign and Security Policy Diversification in Eurasia: Issue Splitting, Co-alignment, and Relational Power. *Problems of Post-Communism*. 62(5):299–311 [In English]. <https://doi.org/10.1080/10758216.2015.1026788>. Available at: https://www.researchgate.net/publication/282803714_Foreign_and_Security_Policy_Diversification_in_Eurasia_Issue_Splitting_Co-alignment_and_Relational_Power.
19. David S. Explaining Third World Alignment. *World Politics*. 1991; 2:233–256 [In English].

About the authors

Marya V. KATAGOSHCHINA. CandSc. (Hist.). Senior Researcher at the Institute of Eurasian and Interregional Studies, Russian State University for the Humanities. <https://orcid.org/0009-0005-5531-7739>. Address: 6, Miusskaya sq., Moscow, 125047, Russian Federation. marya.katagoshina@yandex.ru

Valentina V. KOMLEVA. DSc. (Sociol.). Professor. Deputy Director for Scientific Work, National Research Institute for the Communications Development. <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984>. Address: building 1, 22, Korobeynikov lane, Moscow, 119571, Russian Federation. komleva@nicrus.ru

Elena A. KUZMENKO. CandSc. (Hist.). Director of the Center for Research on International Humanitarian Communications, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba. <https://orcid.org/0000-0003-4144-2414>. Address: 6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation. kuzmenko_elal@pfur.ru

Sergei A. SHEIN. CandSc. (Polit.). Research Fellow at Centre for Comprehensive European and International Studies, National Research University "Higher School of Economics" <https://orcid.org/0000-0001-9749-9116>. Address: 20, Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation. sshein@hse.ru

Contribution of the authors

The authors declare no conflicts of interests.

Article info

Received: October 22, 2024. Approved after review: November 10, 2024. Accepted for publication: November 30, 2024. Published: December 4, 2024.

The authors have read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.